

В. Д. СТАРИЧЕНОК

О ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ВАРИАТИВНОСТИ СМЫСЛОВОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМАНТА В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ

Вариативность смыслового (содержательного) аспекта лексических единиц в пространственной проекции является одной из наиболее сложных. Диапазон такой вариативности во многом определяется характером лингвистического пространства, его квалитативно-квантитативными особенностями. Избранный в качестве объекта исследования балто-славянский ареал с точки зрения квалитативной характеризуется генетической близостью языков, многочисленными и продолжительными их контактами, существованием балтского этнического и лингвистического субстрата¹, интенсивными интерферентными процессами, одинаковыми тенденциями развития в условиях многонационального государства и другими признаками. С точки зрения квантитативной ареал очерчивается территорией северо-западной Белоруссии и включает 16 населенных пунктов Гродненской области². По своему характеру и протяженности ареал является центральной частью, фрагментом большого белорусско-литовско-польского пограничного ареала, представляя собой макроструктуру типа диалектный язык³.

¹ Лаучюте Ю. А. Балто-славянские лингвистические контакты в ареальном освещении // Взаимодействие лингвистических ареалов. М., 1980. С. 167–170.

² В статье используются материалы Лексического атласа белорусских народных говоров со следующими цифровыми обозначениями: 1 – Граужишки (Ошмянский р-н), 2 – Жили (Ивьевский р-н), 3 – Коробчицы (Гродненский р-н), 4 – Стрельцы (Гродненский р-н), 5 – Макаровцы (Берестовицкий р-н), 6 – Бершты (Щучинский р-н), 7 – Костенево (Щучинский р-н), 8 – Голубы (Мостовский р-н), 9 – Старое Село (Зельвенский р-н), 10 – Мстисово (Волковысский р-н), 11 – Старые Смилгини (Вороновский р-н), 12 – Докудово (Лидский р-н), 13 – Малые Воробьевичи (Новогрудский р-н), 14 – Озераны (Дятловский р-н), 15 – Поречье (Слонимский р-н), 16 – Масиловичи (Слонимский р-н).

³ О диалектном языке см.: Аванесов Р. И. Описательная диалектология и история языка // Славянское языкознание: Докл. сов. делегации на V Междунар. съезде славистов. М., 1963. С. 293–305; Аванесов Р. И. О двух аспектах предмета диалектологии // Общеславянский лингвистический атлас (материалы и исследования). М., 1965. С. 24–35; Сороколетов Ф. П. Семантическая структура слова в диалектных словарях // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Л., 1972. С. 181–189; Филин Ф. П. О так называемом „диалектном языке“ // ВЯ. 1981. № 2. С. 36–43; Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И. Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М.,

Характеризующие параметры такой интерферентной контактной макроструктуры могут быть конститутивными (общими), относящимися ко всем входящим в нее микроструктурам, или же факультативными (частичными), касающимися только некоторых диалектных континуумов. Конститутивные параметры в основном сводятся к констатации факта распространенности лексической единицы на всей части ареала. Явления же смыслового порядка (набор лексико-семантических вариантов (ЛСВ), их иерархическая упорядоченность, схемы содержательных связей и мн. др.), являясь в большинстве своем факультативными, редко очерчивают весь ареал, так как даже в рядом расположенных диалектах трудно обнаружить совершенно одинаковые смысловые модификации (при этом, конечно, нельзя отрицать общих семантических закономерностей). Как правило, они свойственны отдельным диалектным континуумам или их небольшим объединениям, что обусловлено сложностью языковой ситуации региона в целом и смысловой организации полисеманта в частности.

В языковой ситуации региона переплетаются разнообразные факторы в их динамике: традиционный белорусский и литовский (в островном литовскоязычном ареале) говор сохраняется, как правило, в речи информантов старшего поколения, использующих, кроме того, польский периферийный диалект типа „польщизны виленской“; большая масса населения говорит на смешанном диалекте, преобладание в котором белорусских, литовских или польских черт обусловлено культурно-историческими условиями развития говора; определенное количество жителей говорит на русском языке⁴, применяемом как билингвами (в зависимости от условий общения), так и проживающими в регионе представителями русской национальности (в качестве основного средства общения). Неодинакова роль каждого из языков в различных функциональных стилях: белорусский и литовский литературные языки используются в школьном обучении, печати, говоры этих языков доминируют в быту; русский язык, как правило, функционирует в общественно-культур-

1981. С. 9–10; Горшкова К. В., Калнынь Л. Э. О некоторых вопросах теории диалектологии // Вестн. Московск. ун-та. Сер. 9. 1984. № 6. С. 3–9; Клепикова Г. П. Изучение лексико-семантических явлений в единичной языковой системе и совокупности языковых систем // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев, 1982. С. 97–100; Войлова К. А. О терминах „диалектный язык“, „язык диалектного типа“ // Проблемы истории русской лексики и терминологии. М., 1985. С. 93–100.

⁴ Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 181–182, 202; Польские говоры в СССР. Минск, 1973. Ч. 1. С. 17; Сабаленка Э. Р. Нацыянальны склад насельніцтва Беларусі // Пытанні білінгвізму і ўзаемадзеяння моў. Мінск, 1982. С. 6–7, 14–15.

ной жизни, делопроизводстве. Польский язык по причине демографических процессов приобретает имплицитную форму, сохраняясь лишь в памяти людей старшего поколения (область его применения ограничивается религиозными сферами)⁵.

Семантический ландшафт белорусско-литовско-польской пограничной зоны представляет собой довольно пеструю картину, сочетающую в себе элементы по крайней мере двух типов: территориального и семантического.

Территориальное пространство распределяет лингвистические явления в тех или иных координатах. Моделью его является лингвогеографическая карта, очерчивающая ареал распространения лексической единицы и ее ЛСВ. Лингвогеографическая карта семантического уровня характеризуется размытостью границ ареалов, ненаполненным и прерванным их характером, отсутствием широких зон, быстрой изменчивостью и подвижностью, фиксацией значительного количества локативов, трудностями проведения изоглосс и другими особенностями. Концентрация локальных и диффузных ареалов намного превышает концентрацию подобных ареалов у фонетических и морфологических карт. Диффузному ареалу свойственны приблизительные, размытые очертания, являющиеся следствием взаимодействия разнодиалектных систем или распада бывшего языкового единства (возможно, это начало формирования нового объединения). Протяженность ареала в пространстве и его временное развитие взаимосвязаны⁶, так как широкий ареал в большинстве случаев свидетельствует о раннем возникновении лексической единицы (явления), и, наоборот, узкий ареал (особенно в контактной зоне) является показателем свежести лингвистического факта (положение это оказывается неприемлемым при исследовании субстратных явлений). Сложность лингвогеографической карты семантического плана не может вызвать сомнений относительно картографирования содержательного аспекта лексических единиц⁷, а лишь подтверждает многообразие и динамику денотативно-сигнификативных связей объективного мира и необходимость тщательного их исследования

⁵ Русский язык в Белоруссии. Минск, 1985. С. 3—6, 27, 57—59; Міхневiч А. Я. Функцыi мовы i маўлення i праблемы беларуска-рускага двухмоўя // Пытаннi бiлiнгвiзму i ўзаемадзеянне моў. Мiнск, 1982. С. 71; Булдык И. М. Функционирование белорусского и русского языков в сельской местности Гродненской области БССР: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1983.

⁶ Пшеничнова Н. Н. Об одном аспекте отражения развития языковых признаков в их пространственном распределении // Диалектография русского языка. М., 1985. С. 3.

⁷ Герд А. С. Об общеславянском лингвистическом атласе // ВЯ. 1964. № 3. С. 81.

(актуальность ареального изучения семантики слова уже неоднократно подчеркивалась в лингвистической литературе⁸).

Семантическое пространство, отражающее фрагмент денотативного пространства, — это модель содержательных связей ЛСВ полисеманта с учетом семантического расстояния между ними. Графически оно может изображаться в виде структурной схемы и развернутой шкалы. Схема позволяет более объемно отразить взаимное расположение ЛСВ, объединяющие их центры с учетом различий в статусе ЛСВ, функциональных, коннотативных и стилистических свойств. Основные ЛСВ составляют ядро такой схемы; на периферии располагаются переносные, эмоционально-окрашенные, функционально-ограниченные и другие ЛСВ, а также их оттенки. Развернутая шкала — это по существу полная семантическая парадигма слова, отражающая линейное (последовательное) развитие полисеманта, его начальные, промежуточные и конечные ступени (полярными точками такой шкалы являются энантиосемичные и омонимичные ЛСВ). Основная область ее применения — структуры с последовательным (цепочным) соподчинением. В смешанных и контаминированных конструкциях полисеманта может быть использована структурная схема или многоярусная шкала (один ярус соответствует одному смысловому центру), учитывающая семантические переходы от одного яруса к другому⁹.

Территориальное и семантическое пространство взаимообусловлены. Чем больше размер территориального пространства, тем больше возможностей для разнообразных модификаций смысловой структуры слова, усложняющих семантическое пространство. Правда, широкая распространенность слова имеет и второй, противоположный аспект смыслового развития: она ускоряет конвенциональную закрепленность слова и ЛСВ в литературном языке, способствует развитию более-менее однозначных соответствий между словом и внеязыковой действительностью, устойчивости ассоциативных связей и консолидации различных диалектных континуумов. Небольшой же ареал создает благоприятные условия для функционирования моносемичных единиц и простой организации смыслового пространства. Совмещение территориального и семантического пространств дает голографическое представ-

⁸ Павел В. К. Семантические различия слова в территориальном и хронологическом аспектах // Совещание по общим вопросам диалектологии и истории языка. М., 1975. С. 16; Павел В. К. Номинация и семантика слова в ареальном аспекте // Теоретические проблемы семантики и ее отражения в одноязычных словарях. Кишинев, 1982. С. 55–56; Попов И. А. Системный подход при лингвогеографическом изучении диалектной лексики // Лингвоэтнография. Л., 1983. С. 81.

⁹ См.: Старычонак В. Д. Аб семантычным вар'іраванні слова ў народных гаворках // Весці АН БССР. Серыя грамадскіх навук. 1983. № 2. С. 114–121.

ление семантической карты региона, связывающей воедино качественно-количественные особенности полисеманта, их пространственную проекцию и дистрибутивные возможности.

Пограничный регион, отражающий различные по характеру этнолингвистические связи, накладывает свой отпечаток на лексический состав макроструктуры: в ней наряду с исконными лексическими единицами фиксируется большое количество заимствований, инфильтраций и контаминированных форм (появление последних обусловлено омофоническими, синонимическими и гомологическими преобразованиями и связанными с ними взаимодействиями семантических особенностей слов с их фонетико-морфологическими особенностями), характеризующихся различной степенью семантической адаптации в новой для них среде. Преобладающими в пограничном регионе являются мезоструктуры с относительно небольшой смысловой парадигмой (3–5 ЛСВ), распределяющейся в различных пропорциях по отдельным диалектным континуумам. Проиллюстрируем это примерами субстантивного типа: *галу́за* 1. озорник, баловник; 2. нездоровый человек; 3. бедняк, нищий; 4. грязный, неряшливый человек; 5. остриженный человек; 6. головешка; 7. сук, ветка; *гаспада́р (аспада́р)* 1. хозяин; 2. глава семьи; 3. трудолюбивый человек; 4. первый сноп ржи в начале жатвы; *гру́ца* 1. толченый ячмень; 2. ячменная крупа; 3. густая каша из таких круп; 4. каша из смеси перловки с фасолью, бобом или горохом; *дзі́ргі* 1. потеки крови на теле; 2. синие полоски на теле; 3. потеки пота (грязи) на лице, теле; 4. потеки на запотевшем окне; 5. потеки вообще; 6. разноцветные полоски на ткани; *жабу́рэнне* 1. лягушечья икра; 2. трава с небольшими листьями, ряска; 3. тина; *загне́т* 1. шесток в печи; 2. щепки, которые жгутся на шестке, чтобы лучше запекался хлеб; 3. состояние хорошего запекания хлеба; 4. ребро в корзине; *заске́ма* 1. скупой человек; 2. неустойчивый, слабохарактерный человек; 3. человек, который прищуривается; 4. неудача, хлопоты; *канча́р* 1. конец борозды, загона; 2. недоделанная грядка; 3. конец бревна, доски; 4. недогоревшее полено; 5. конец веревки, нитки; 6. недокуренная сигарета; 7. концевая часть чего-либо вообще; *клёк* 1. селедочный рассол; 2. сок из ягод; 3. сила, здоровье; 4. детская игра типа городков; 5. палочка, используемая в такой игре; *кру́шня* 1. куча камней в поле; 2. каменистый участок поля; 3. куча чего-либо вообще; 4. куча блинов; *ку́льша́* 1. бедро; 2. часть ноги у животных и птиц; 3. окорок; 4. способ укладки сена на телеге (сначала по углам, потом посередине); 5. угол с сеном в гумне; 6. кривая палка; 7. молодой побег растения; *макля́к* 1. дерево, долгое время лежавшее в воде; 2. намокшая под дождем одежда; 3. человек в мокрой одежде; 4. слабый человек; 5. мокрое место на лугу; *мітрэ́нга* 1. тревога, беспокойство; 2. препятствие; 3. ругня в семье; *рум* 1. место на берегу реки, откуда сплав-

Лексические единицы \ Населенные пункты	1	2	3	4	5	6	7	8
галуза	7	7	—	—	—	—	—	—
гаспадар	1, 2, 4	1, 4	1, 4	1, 2, 4	1	1	1, 2	1
груца	1	3	—	—	—	1, 2, 3	—	—
дзюгі	—	—	—	2	—	—	—	—
жабурэнне	1, 2	1	1, 2	3	—	—	1, 2	—
загнет	—	—	1	1	—	2	—	2
заскема	—	1	4	4	2	—	4	—
канчар	5	3	1	3, 4	—	1	—	1
клёк	3	—	1, 2, 3	—	—	1	—	—
крушня	1, 4	1, 3	1	1	1	—	1	1
кульша	1	1	1, 3, 4	1	1	1, 3	1, 4	1
макляк	—	1	1	—	4	1	1	—
мітрэнга	1, 3	1, 2	1	—	—	—	—	—
рум	—	4	—	—	—	—	3	1
сліж	1	1, 3	1, 3	1	1	—	—	1
стаўпец	—	5	2	1	—	4	3	1
шчолак	—	2	2	1, 2	2	1, 2	1, 2	1, 2
шыпулі	1	1	1	1	2, 3	1	1	1
Количество полисемантических для говора единиц	4	4	5	3	1	3	4	1

ляют лес; 2. бревна, сложенные на берегу реки в штабеля; 3. тип строения, когда крыша хозяйственных построек является продолжением жилого дома; 4. недостроенный дом (без крыши); *сліж* 1. мелкая рыбка; 2. улитка; 3. печенье из муки; 4. длинное бревно, которое кладется сбоку моста для укрепления настила; *стаўпец* 1. часть граблей, куда вставляются зубья; 2. небольшая колодка, используемая при трепании льна; 3. столб в строении; 4. столб вообще; 5. веревка в воротах; 6. приспособление для сматывания нитей из мотвила; *шчолак* 1. едкий щелочный раствор для мытья белья; 2. редкая часть

Таблица 1

9	10	11	12	13	14	15	16	Количество фиксаций
5	4	—	3	—	1, 2	3	6	8
1	1	—	1, 3, 4	1, 2	1, 2	1	1	15
—	—	2	3, 4	—	3	—	—	6
—	—	—	3, 4, 6	1, 2, 4, 6	1, 2, 4, 6	1	5	6
1	3	—	1	1, 2	1, 2	1	—	11
—	2	—	—	3	1, 2, 4	—	—	7
—	—	—	3	—	—	—	—	6
—	1	1, 3	1, 4	1, 2, 3, 5, 6	1, 5	—	7	12
4, 5	3	—	—	2, 3	—	3	—	7
1	1, 2	1	1	1	1	—	—	13
—	2	1, 5	1	1, 3, 4	6, 7	—	2	14
2	1	1	1	2, 3	1, 2, 5	—	1	12
—	1	—	—	—	—	—	1	5
—	—	3	2	1	—	3	—	7
1, 4	2	—	1, 4	1, 4	1	—	—	11
1, 2	6	—	—	—	1	1	1, 2, 3	11
2	2	2, 3	2	1, 2	1, 2	—	2	14
1	—	1	1	—	1	1	2	14
3	1	3	5	9	9	0	1	

еды; 3. фруктовый сок; *шыпулі* 1. щепки; 2. истлевшие деревья; 3. дряхлые люди.

Распределение отдельных сегментов смыслового пространства полисемантов по различным микросистемам (говорам) можно представить в виде сводной табл. 1 (цифрами в ней обозначены номера ЛСВ).

Как видно из табл. 1, весь набор ЛСВ семантической парадигмы редко реализуется в пределах одного говора. Чаще же всего говор усваивает какой-либо один ЛСВ, снимая присущую макроструктуре полисемантность (см.

ЛСВ у слов *заскема, рум, галуза, загнет, шыпулі*). Широкие же ассоциативные, парадигматические и синтагматические связи слов способствуют развитию их полисемантности (в рамках одного говора), реализующейся чаще всего в бивариантных структурах (хотя в диапазон смыслового варьирования может входить до пяти ЛСВ). Так, напр., семантическое пространство полисеманта *канчар* включает 5 семантических моделей (моносемичные лексемы говора во внимание не принимаются), четыре из которых бивариантны и лишь одна — пятивариантная (табл. 2).

Таблица 2

Номер ЛСВ	1	2	3	4	5	6	Говоры
Номер модели							
1	+	+	+		+	+	13
2	+				+		14
3			+	+			4
4	+		+				11
5	+			+			12

Бивариантные модели преобладают у полисемантов *кульша, крушня, макляк*:

Таблица 3

Номер ЛСВ	1	2	3	4	5	6	7	Говоры
Номер модели								
<i>кульша</i> 1	+		+	+				3;13
2	+		+					6
3	+			+				7

Номер ЛСВ	1	2	3	4	5	6	7	Говоры
Номер модели								
4	+				+			11
5						+	+	14
<i>крушня</i> 1	+			+				1
2	+		+					2
3	+	+						10
<i>макляк</i> 1		+	+					13
2	+	+			+			14

Причем все модели распределяются по единичным говорам, в редких случаях объединяя несколько диалектных континуумов (см. модель 1 *кульша*), что обусловлено почти полным отсутствием в исследуемом регионе изосемии¹⁰ — полного совпадения смысловых структур полисеманта в различных координатах пограничья. Интеграционные процессы в лексике говоров, отражающие радикальные и глубокие преобразования внеязыковой действительности, мощный фактор влияния на говоры литературных языков и другие причины, способствующие развитию изосемии, не могут полностью нивелировать различные участки территориального пространства, сделать их изоморфными в силу действия в говорах противоположной тенденции к дифференциации, распространяющейся на национально-культурное видение мира, специфичность восприятия его отдельных сегментов различными носителями диалектов, денотативную соотнесенность ЛСВ, его коннотативные характеристики, на стратификационную выраженность (дескриптивность) отдельных ингре-

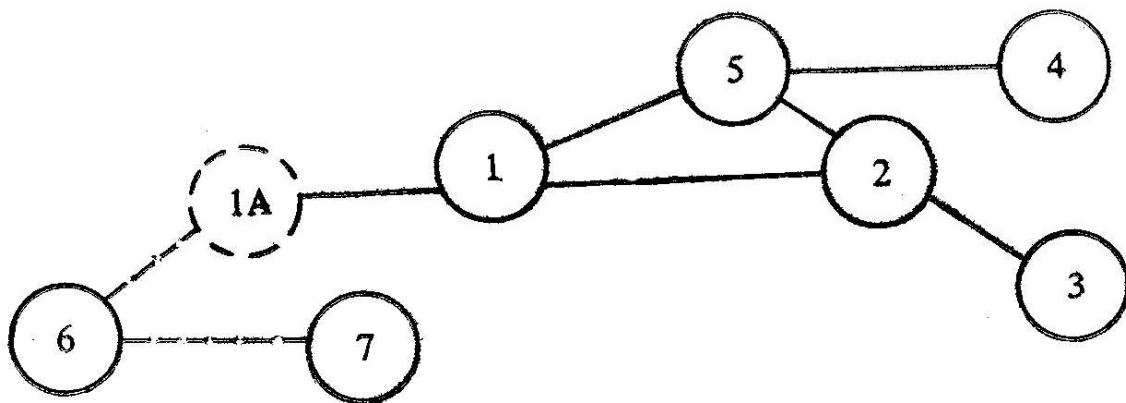
¹⁰ Семчинский С. В. Семантическая интерференция языков (На материале славяно-восточнороманских языковых контактов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1973. С. 6–7.

диентов полисеманта (она зависит от возраста, пола, вида деятельности, места проживания информантов), способы организации смысловой структуры, иерархическую соподчиненность ЛСВ и другие явления.

Макроструктура пограничного региона характеризуется довольно широкой амплитудой семантических колебаний, включающей в себя ингредиенты (и накопленный опыт) многих языков и диалектов. Различия такой амплитуды в макро- и микроструктурах касаются как количественных, так и качественных ее свойств. Количественные различия сводятся к численности семантической парадигмы слова (в макроструктуре отсутствует ее нижний предел; в микроструктуре, как правило, она бивариантна). Качественные различия, обусловленные прежде всего количественным составом ЛСВ, касаются характера смысловой связи ЛСВ (метафорические, метонимические, синекдохические, опосредованные, параллельные, гипонимические), типа полисемии (радиальный, цепочный, контаминированный), статуса отдельных ЛСВ, их коннотативной характеристики и пр. Полное совпадение качественных свойств полисеманта в макро- и микроструктурах — явление довольно редкое. Представив, напр., смысловую структуру полисеманта *канчар* в виде развернутой шкалы, легко убедиться в гипо-гиперонимическом соподчинении ЛСВ, которое

снимается в отдельных диалектах в силу детализации (специализации) гиперонимического ЛСВ и отсутствия единоплоскостного сосуществования вновь образованного специализированного ЛСВ с гиперонимом. Подобные семантические отношения ЛСВ наблюдаются у полисемантов *крушня*, *дзюгі*, *стаўпец*. Структурная модель полисеманта *кульша* в пограничном регионе примет следующее выражение:

ЛСВ в такой контаминированной (радиально-цепочной) структуре связываются метафорическими отношениями соматического порядка (1–2 ЛСВ) по расположению (боковому) в пространстве (1, 2–5, 4 ЛСВ), метонимическим соподчинением (2–3 ЛСВ), а также так наз. „барьерной“ (промежуточной) связью через нефиксированный в данной макроструктуре 1А ЛСВ ‘палка, на которую опираются при ходьбе (протез)’¹¹. Отсутствие территориальных и семантических точек соприкосновения с 6 и 7 ЛСВ дает возможность тарифицировать последние (по соотношению со всей семантической парадигмой) как омонимические (в рамках рассматриваемого ареала). Такого же рода соподчинение ЛСВ (омонимического характера) отмечается у полисемантов *клёк*, *галуза*, *сліж*.

В смысловой структуре полисеманта *макляк* ведущей является цепочная связь ЛСВ, реализуемая в метонимических и метафорических формулах. Смысловое пространство полисеманта *крушня* членится на два организующих центра (первый располагается на уровне 1 ЛСВ и связанных с ним метафорическими и гиперонимическими отношениями 3 и 4 ЛСВ, второй — на уровне 2 ЛСВ), объединенных метонимической закономерностью локативного характера.

Полисемантичность в частных диалектных системах, зависящая от характера исследуемых лексических единиц (их категориальных признаков, лексического содержания, ассоциативных связей, грамматической выраженности и др.) во многом определяется и языковой ситуацией таких диалектных систем. Исследуемый фактический материал показывает, что наиболее сильные этноязыковые контакты и интерферентные процессы наблюдаются в 13, 14, 12 и 3-м диалектных континуумах, являющихся зонами максимальной полисемии. Зонами малой (минимальной) полисемии могут служить 15, 5, 8, 10-й говоры. Такие зоны не очерчивают каких-либо изоглосс, являясь довольно неустойчивыми и подвижными микроареалами. Компоненты таких ареалов могут тяготеть к различным языкам (белорусскому, литовскому, польскому, русскому) и диалектам, образуя тем самым сложные вибрационные структуры пространственно-семантического характера, которые выступают в следующих ипостасях:

а) структуры, ориентированные на белорусский литературный язык (*гаспадар*, *загнет*, *жабурэнне*) или его говоры (*заскема*, *макляк*, *шчолак*, *сліж*);

б) структуры с эпицентром в литовском или польском языках: *клёк* < лит. *kliòkė*, *klėkas* ‘грязь, жидкая каша’, *шыпулі* < лит. *šipulys* ‘щепка’, *міт-*

¹¹ О полной смысловой парадигме и структуре полисеманта *кульша* в диалектном языке см. более подробно: Стариченко В. Д. О семантической структуре сложных полисемантов // Филол. науки. 1985. № 5. С. 35.

рэнга < польск. *mitrega* 'волокита', *дзюгі* < польск. *dziugi, dzugi* 'осадок, остаток';

в) смешанные структуры, образованные в результате наложения окраинных частей белорусского, литовского и польского ареалов. В них преобладают полисеманты с несколькими смысловыми центрами, критерием выделения которых является направление иррадиации (на систему белорусского, литовского или польского языков) и относительная самостоятельность. Правда, выделение смысловых центров (и самих ЛСВ) в таком сложном регионе затрудняется в силу диффузности, взаимопроницаемости разнородных элементов семантической структуры слова, ср.: *кульша* < лит. *kùlšė, kùlšis* 'бедро', польск. *kulsza* 'седалищная кость, бедро', рус. диал. *кульша* 'поясница, бедро'; *крушня* < лит. *krūsnė, krūsnis* 'куча камней в поле', польск. *krušnia* 'тж', *груца* < польск. *gruca* 'перловая крупа', лит. *grūcė* 'тж.'

Расположение таких структур относительно основного ареала (контактное, дистантное) значительно влияет на смысловые модификации слова и его отдельных ингредиентов. Периферийная контактная зона еще сохраняет связи с системой языка основного ареала (смысловая структура в таких случаях организована с обязательным учетом каких-либо ЛСВ основного ареала), ослабевающие или полностью утрачивающиеся в дистантно расположенном (дискретном) участке ареала (пределом его развития является полное смысловое видоизменение и образование островного ареала).

Мера смыслового варьирования в различных координатах пограничного региона не конгруэнтна по степени проявления. Она может касаться как смысловой организации полисеманта в целом (как это наблюдалось в вышеприведенных примерах), так и отдельных его ЛСВ: незначительного изменения денотативной соотношенности в пределах одного ЛСВ (ср.: *галуза* (1, 2, 3, 4, 5 ЛСВ), *дзюгі* (3, 4, 5 ЛСВ), *заскема* (1, 2, 3 ЛСВ), *канчар* (1, 2 ЛСВ), *мітрэнга* (1, 2, 3 ЛСВ), особенностей его социально-стратификационной выраженности, конвенциональной закреплённости, функционально-стилистического и коннотативного распределения, дистрибутивных свойств, парадигматических связей и др. При вариативности основного (или переносного) ЛСВ от говора к говору постепенно меняется его денотативное основание, другие характерные признаки, вносящие в его содержание новые элементы, способствующие разделению ЛСВ на две самостоятельные единицы. Этим в некоторой степени и объясняется наличие больших семантических парадигм в макроструктурах, число компонентов которых в отдельных случаях достигает порядка четырех десятков¹².

¹² См.: Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1966—1985. Вып. 1—20.

Таким образом, вариативность смысловой структуры полисеманта в пограничном регионе представляет собой довольно сложное явление, не укладывающееся в рамки строго очерченных схем и моделей. Она отражает различные направления взаимодействия генетически родственных языков и диалектов контактной зоны, характер их интерферентных процессов и переходных явлений, проявляясь в двух разновидностях: радикальной (преобразовании смысловой структуры полисеманта в целом, его квалитативно-квантитативных свойств) и частичной (преобразовании отдельных ЛСВ, их денотативного, социального, культурного, коннотативного, стратификационного компонентов). В различных координатах лингвистического пространства такого рода преобразовательные процессы, как правило, не совпадают, что обусловлено сложностью языковой ситуации региона, рядом экстра- и интралингвистических факторов. Поэтому концентрация семантических ареалов в такой макроструктуре минимальна. Как правило, они не конгруэнтны, ограничиваются небольшим количеством диалектных континуумов, характеризуясь при этом дискретностью, ненаполненностью и диффузностью.

LES VARIATIONS DE L'ESPACE DE LA STRUCTURE SÉMANTIQUE DES POLYSÉMANTS DANS LA RÉGION FRONTALIÈRE

Résumé

Dans l'article à la base de 16 localités de parlars frontaliers biélorusses on étudie les variations de l'espace de la structure sémantique des polysémants, on donne la caractéristique de la situation linguistique de la région frontalière (Biélorussie — Pologne — Lituanie), déterminé le caractère du polysémantisme dans certains continuum (microstructure) dialectals et dans toute la région (macrostructure). A la base d'un riche matériel étudié est donnée la caractéristique des zones sémantiques, sont déterminées les zones de la polysémie minimale et maximale, leur orientation (ou de ses composants) à une des langues ou dialects (biélorusse, lituanienne, polonaise).